

1-го января. По случаю болезни наследника, которому, впрочем, гораздо лучше, не было сегодня при дворе никакого выхода. Новостей тоже никаких нет. О моем назначении в Департамент законов напечатано сегодня в «Правительственном вестнике». В непродолжительном времени будет внесен в Государственный совет новый проект новой реформы военной об обязательной воинской повинности. Этот вопрос, случайно поднятый, так мало вяжется с теперешним настроением правительства, что я решительно не понимаю, что из всего этого выйдет.

9-го января. Грустно для меня начинать год. Сегодня, в 2 ч. пополудни, скончалась великая княгиня Елена Павловна. Вчера, приехав на бал к графу Толстому — министру народного просвещения, я узнал, что государь прислал сказать, что не может быть на бале по случаю весьма опасной болезни великой княгини. Это известие тем более поразило меня, что еще днем, а именно в 4 ч., я заезжал в Михайловский дворец к княжне Львовой узнать о здоровье великой княгини, которая с самого возвращения своего из Флоренции постоянно хворала и очень ослабела. Княжна Львова меня удостоверила, что великой княгине лучше и что ничего особенно серьезного нет. Вечером, в 8 ч., она вдруг почувствовала большую слабость, началась рвота, после которой силы внезапно так упали, что доктора ожидали кончины. Оставив бал, я отправился в Михайловский дворец, было уже около часу ночи, тут застал всех в сильном беспокойстве. Государь и императрица приезжали, но великая княгиня уже никого не узнавала и ничего не говорила. Около 2-х часов, вероятно, вследствие мускуса пульс немного поднялся, и доктор получил некоторую надежду. Я уехал домой. Сегодня утром, в 12 ч., приехав во дворец, я застал всю царскую фамилию, ожидавшую кончины каждую минуту, ибо доктора объявили, что конец близок. Больная никого не узнавала. Ее приобщили святых тайн, и она тихо, по-видимому, без страданий, скончалась около 2-х часов пополудни. В комнату, где покоилось тело, я вошел, как только оттуда вышла царская фамилия. Покойная лежала в кровати еще теплая и со спокойным выражением лица.

Грустно, очень грустно мне было целовать охладевшую руку женщины, которая в течение 26-ти лет была ко мне так добра и так внимательна, что едва ли кто-либо другой из приближенных к ней так долго и постоянно был при ней в милости. Эта замечательная женщина оставит по себе прекрасную память и, конечно, вполне заслуженную. Когда припоминаю прошлое за 25 лет, то невольно слезы льются. Не только ко мне, но и ко всему моему семейству она относилась, как нежная мать. К сожалению, в последние 3 или 4 года расстроенное ее здоровье и другие несчастные влияния во многом изменили ее не только ко мне, но и ко всем прежним друзьям ее. Но эта случайная перемена не должна омрачать моих воспоминаний. Сегодня я получил от Головнина записку следующего содержания:

«Вы были более кого-либо близки к великой княгине Елене Павловне и лучше кого-либо знали ее. Ваше чуткое ухо слышало и восприимчивое сердце понимало все прекрасное, которое в ней было, — ее сочувствие ко всему доброму и сильное

1873 год

стремление делать добро, ее любовь изящного, возвышенного, ее уважение к науке и постоянное желание приобретать новые знания. Едва ли можно представить полную картину всего сделанного ею добра и принесенной пользы и назвать всех, которым она оказала то или другое содействие, но дать понять это России и русским Вы могли бы лучше всех. Эта была бы заслуга с Вашей стороны перед всей императорской фамилией, ибо теперь, больше чем когда-либо, полезно рассказать России те хорошие дела и хорошие стороны, которые встречаются у родных государя. Поторопитесь написать, под влиянием Вашего личного горя, некролог усопшей великой княгини».

Подробная, полная биография должна быть трудом продолжительным, огромным, многих лиц, трудным, который займет место в истории России и в истории прекрасного. Головин прав, хорошее бы дело написать такой некролог, но к тому нет у меня надлежащих материалов, не чувствую также за собой довольно талантов, чтобы изобразить личность, подобную великой княгине, т. е. говорить о добре и высоких чувствах и не сделаться пошлым. Но сегодня я попробую написать коротенькую статейку для газеты, чтобы помянуть покойную хотя бы добрым словом.

Вот как объявлено сегодня в газетах о кончине великой княгини. Я послал в редакцию газеты «Голос» маленькую статейку, которая завтра будет напечатана. Сегодня вечером была первая парадная панихида, тело из спальни перенесли во гробе в домовую церковь. В субботу будет вынос в крепость⁷⁹, а в понедельник будут похороны. Хотя я ожидал, что о покойной будут вообще сожалеть, но не думал, чтобы скорбь была так вообще сильна во всех классах общества.

11-го января. Сегодня напечатана в «Голосе» статейка, которую я туда послал. Она вылилась у меня из сердца. Вот она:

С.-Петербург. 10-го января 1873-го года. «Голос».

Вчера распространились по городу сперва тревожные слухи о состоянии здоровья, а потом о кончине Ее Императорского Высочества великой княгини Елены Павловны...

Угасла жизнь, полвека посвященная (Ее Высочество изволила прибыть в Россию почти 50 лет назад, а именно в сентябре 1822-го года) добру, милосердию, любви к заботам о благах России. Угасла жизнь, полвека озарявшая России путь наукам, искусствам и всему прекрасному.

Вместе с Царственной Семейю глубоко и искренно скорбит Россия о понесенной утрате.

Высокое имя в Бозе почившей великой княгини так тесно связано со всеми благотворительными и общепольными учреждениями, что едва ли найдется отдаленный край в России, где имя это не вызвало бы благодарных воспоминаний и молитвенных благословений.

Благотворная деятельность покойной великой княгини видоизменялась такими тонкими оттенками ее пылкого, любящего и, если можно так выразить, умного сердца, что с кончиною ее сиротели не только созданные ею учреждения, но и множество обласканных ею лиц. Щедрая рука усопшей никогда не оскудевала, но, сверх того, в высоких порывах ее любящего сердца хранилась

Третий том

еще тайна той живительной силы, которая действует на человека нравственно, ободряя и одушевляя его на пути правды.

Жизнь и деяния оплакиваемой нами великой княгини принадлежат Истории. Правдивая и нелицеприятная История укажет на те стороны деятельности и на те черты ее характера, о которых мы ныне, перед отверстым еще гробом, говорить не дерзаем.

Как вся жизнь усопшей была светла, честна и правдива, так да будет светла наша молитва и честна наша о ней память...

Статейка моя вообще понравилась всем близким покойной. Сегодня она переведена в «Немецкой газете».

Завтра назначен вынос из Михайловского дворца в крепость. 20-градусный мороз всех пугает. Я должен буду с Государственным советом идти пешком. Жутко будет.

15-го января. Сегодня похоронили великую княгиню. При перенесении ее из дворца в крепость хотя было холодно, но идти пешком в теплых шубах было весьма сносно. Теперь, кажется, уже не может подлежать сомнению, что покойная не только не оставила никакого завещания, но даже ни малейших слов о каких-либо посмертных распоряжениях. Это меня крайне удивляет, потому что я знаю, как покойница заботилась об обеспечении созданных ею благотворительных и полезных учреждений. Сколько раз она мне об этом говорила. Вероятно, она откладывала со дня на день писание своего завещания и, без сомнения, рассчитывала, что по случаю ее юбилея в нынешнем году ей удастся выпросить у государя какое-либо содействие к обеспечению заведений, так как собственных ее средств к этому не хватало, и она вынуждена была лишить дочь свою — великую княгиню Екатерину Михайловну — части наследства. Это обстоятельство еще увеличивает скорбь об усопшей, и потеря ее делается еще чувствительнее для многих.

29-го января. Сегодня я обедал у государя. Кроме меня, обедали генерал-адъютант барон Ливен, которому сегодня, по случаю его 50-летнего юбилея, дали Андрея⁸⁰, фельдмаршал граф Берг и Титов. Императрица со мною была очень любезна и благодарила за мою статейку в «Голосе» о великой княгине. За обедом был, по обыкновению, пустой разговор о разных разностях. Я сидел между великой княжной Марией Александровной и великим князем Владимиром. С княжной я много разговаривал и нашел, что она очень развилась и сделалась много разговорчивее и любезнее. По-видимому, слухи о том, что она выходит замуж за принца Альберта Английского, не оправдываются.

Завтра великий князь Константин Николаевич вступает в должность президента Русского музыкального общества, о чем его просило Общество; он просил меня быть вице-президентом на том основании, как я был три года назад при великой княгине Елене Павловне; я на это охотно согласился, ибо мое посредничество может быть полезно для восстановления согласия в консерватории, где в последнее время развелись личные дрязги.

В Москве вновь прибывший генерал-губернатор Дурново, отличающийся вообще глупостью, наговорил при первом своем приеме дерзостей городскому голове и советникам Губернского правления, после чего городской голова, только что вновь избранный на основании нового Городского положения, подал в отставку. Из этого выходит скандал, который, вероятно, не останется без последствий, ибо, говорят, все московское общество обижено этой выходкой.

4-го февраля. Московская история с городским головой Ляминим и губернатором Дурново принимает, как и следовало ожидать, размеры полного скандала. В сегодняшнем номере «Современных известий» описано это событие в хронологическом порядке следующим образом:

«Голова и губернатор. (Летопись 10-ти дней)

Нижеследующие сведения большей части московских жителей известны одним в более точном, другим — в преувеличенном и искаженном виде. Мы ограничиваемся почти исключительно фактами, которые уже попали в печать, и, сверх того, воздерживаемся от всякого суждения. Излагаем в хронологическом порядке:

24-го января. Московский городской голова Лямин был с визитом у новопоступившего гражданского губернатора — генерала Дурново и оставил ему карточку.

25-го января. Утром общий прием у губернатора. Вечером разносится слух по городу, что губернатор высказал при приеме удивление, что в числе представляющихся нет головы.

26-го января. Идут слухи, что вследствие губернаторского приема два советника губернского правления уходят в отставку. («Русский мир» во вчерашнем номере называет этих советников — это Мейен и Тимирязев. Но на деле, по-видимому, подал в отставку после приема один г. Тимирязев, а г. Мейен подал просьбу еще до приема.)

Представляется губернатору голова. Подробности представления описываются корреспондентом «Русского мира» в следующих словах:

«Когда явился к генералу Дурново городской голова, то Дурново спросил у него:

- Вы здешний городской голова?
- Да, Ваше превосходительство, я городской голова.
- Вы, кажется, уже вторые выборы служите?
- Вторые, Ваше превосходительство.
- Как же Вы, служа вторые выборы, не знаете порядка подчиненности? Как Вы могли себе позволить не явиться на общее представление мне служащих лиц?
- Я, Ваше превосходительство, имел честь у Вас быть третьего дня и, не застав Вас дома, оставил свою визитную карточку.
- Да как Вы могли позволить себе приехать ко мне как частное лицо?
- Ежели бы Ваше превосходительство посмотрел мою карточку, то Вы бы увидели, что к Вам приезжал городской голова, а не частное лицо.
- Так Вам, вероятно, неизвестно, что для подчиненных лиц, не знающих начальника, заведены книги, в которых они расписываются, а не оставляют свои карточки. Потом, позвольте Вас спросить, что значит этот фрак?.. Вы, быть может, тоже не знаете, что городскому голове присвоен мундир, в котором он должен представляться начальнику?

— Ваше превосходительство, на основании Городового положения... заикнулся было городской голова.

— Прошу Вас покорнейше мне не указывать на Городовое положение. Я законы знаю лучше Вас. Потому, вероятно, и поставлен, чтобы наблюдать за исполнением их Вами, а не от Вас принимать указания.

— Я и хотел сказать, Ваше превосходительство, что на основании Городового положения губернатору предоставлен надзор за правильным применением законов по Городовому управлению, и я уверен, что пока я буду городским головой, Ваше превосходительство не будет иметь повода находить действия городского головы неправильными.

— А я бы желал меньше слышать слов, а больше видеть дела... У Вас есть товарищ. Кто у Вас выбран товарищем головы? Скажите ему, чтобы он явился ко мне, и в мундире.

— Ваше превосходительство, я должен...

— Я больше ничего не желаю Вам сказать. Прощайте".

Вечером в тот же день разносятся подробности эти по Москве, и притом с разными прибавлениями. С тем вместе переходят из уст в уста подробности вчерашнего приема.

Голова тем же вечером рассказывает своим приближенным о намерении своем выйти в отставку. Слух тоже разносится.

27-го января. "Русские ведомости" передают слух о намерении головы. Объясняют, что это намерение принято непосредственно после представления губернатору, но что передавать подробности еще преждевременно. (Отставка действительно еще не была подана, когда выходил номер "Русских ведомостей".)

В тот же день голова действительно подает просьбу об увольнении. Городские слухи продолжают и растут, украшаясь разными подробностями.

28-го января. "Московские ведомости" и "Современные известия" повторяют, со слов "Русских ведомостей", слух об отставке головы... "Голос" печатает о московском происшествии телеграмму. "Русские ведомости" дают руководящую статью⁸¹, в которой излагают, что дело стало из-за вопроса, когда быть голове у губернатора — 24-го или 25-го числа, оставить карточку или расписаться в книге, явиться во фраке или в мундире. Газета изъявляет прискорбие, что вопрос о городском самоуправлении поставлен на такую мелкую почву.

Того же числа мировые судьи Москвы, в полном составе — 38 человек, представляют г. Лямину. Почетный мировой судья — Тарасов — произносит речь, в которой выражает сожаление о случившемся событии и о намерении г. Лямина оставить службу.

29-го января. Номер "Современных известий" арестовывается. В городе толкуют, что задержание последовало за статью, очень резкую, об отставке головы, что дело не обошлось задержанием одного номера, но газета-де приостановлена, редакция и типография закрыта, и даже редактор под стражей. (Понятная причина не позволяет нам приводить истинные подробности. Мы ограничимся поправкою сведений, сообщенных вчера "Русским миром". № остановлен <не> на числе 7000, как сообщает газета, а всего 933 экземпляров, из которых притом 500 отпечатаны были только в одну сторону. Редакция предуведомлена была о сомнениях цензуры довольно ранним утром и тотчас же, во избежание излишних убытков, распорядилась не только не выпускать ни одного экземпляра, но приостановить печатание.)

Многих газетных разносчиков берут в 1-й квартал Мясницкой части. Осматривают, нет ли у них задержанного номера "Современных известий", но, не нахо-

дя, отпускают. Городовые ходят по домам — не поданы ли им “Современные известия”, и успокаиваются ответами, что таковых ни у кого не имеется.

30-го января. “Голос” помещает телеграмму о представлении мировых судей и об аресте номера “Современных известий”.

Является руководящая статья в “Московских ведомостях”. Она обращает происшествие в смех и готова предположить, что губернатор просто пошутил над головой.

Вольно же было городскому голове столицы ставить себя в подчиненное губернатору положение и являться к нему наравне с чиновниками его канцелярии, но без соблюдения при этом обычных формальностей. Очень может быть, что над ним пошутили, с тем чтобы дать ему почувствовать неловкость добровольно принятого им положения. Рассказывают, что к некоторым профессорам университета, участвующим (добровольно) в комиссии, где председателем губернатор, были разосланы повестки с приглашением, чтобы они явились представиться ему. Но профессора сочли это за ошибку, не приняли приглашения, и потом никакого неприятного столкновения между ними и губернатором не было. Гражданский губернатор есть, бесспорно, начальник губернского правления и вообще тех должностных лиц, которые находятся от него в зависимости. Сверх того, он является во вверенной ему губернии представителем центральной власти и потому пользуется особым почетом и имеет право приглашать для объяснения должностных лиц, не ниже его стоящих в служебной иерархии и не находящихся ни в какой от него зависимости. Но Москва не Харьков. В Москве есть высшее правительственное лицо, представляющее центральную власть. Это лицо есть генерал-губернатор. К нему как к главному органу центральной власти в торжественные дни собираются с поздравлениями не только непосредственно подчиненные ему чиновники, но и все начальствующие лица столицы, в том числе и губернатор. При генерал-губернаторе значение губернатора сокращается до весьма скромных размеров.

Являлся ли представляться новоприбывшему губернатору московский обер-полицмейстер? Конечно, нет. А в Рязани или в Харькове полицейские власти обя-заны представляться губернатору как своему начальству.

Напротив, новоприбывший губернатор, по долгу вежливости, поспешил сделать визит и обер-полицмейстеру, и попечителю учебного округа, и его помощнику, и членам судебных учреждений, и многим другим лицам. Нет сомнения, что он сделал бы визит и городскому голове, если бы тот не поспешил представиться ему. А не почтили бы его посещением, он имел бы только одним знакомством менее, что еще не большая беда.

Газета заключает сожалением, что шутка, на которую нарвался голова, задевает в его лице все городское общество, избравшее его своим главным представителем, а это вызывает затруднения. Москва толкует об этой статье, продолжая толковать о происшествии. Более достоверно знающие историю не упускают заметить, что самый факт, на котором строят “Ведомости” свое заключение, неверен, ибо предполагают, что голова явился в общий день приема, и притом по доброй воле.

В тот же день, около вечера (в 4 часа), потянулись к дому городского головы с визитом гласные думы почти в полном составе, и притом одновременно.

31-го января. Появляются о московском происшествии руководящие статьи в петербургских газетах. “Голос” (№ 31) рассуждает о том, в каких отношениях стоит городской голова к гражданскому губернатору по “Городовому положению”, и приходит к выводу, что “Положение” обеспечило независимость городского голо-

вы и городского управления, но что на практике может происходить иное, потому что никакой мудрый и точный закон не может положить <предел> личной начальственной притязательности. Поводы же к такой притязательности, замечает газета, нетрудно найти на каждом шагу.

Так, например, губернатор, не имея <права> официально делать внушений городскому голове, может, однако, войдя ошибочно в роль прямого начальника, распечь его за непоявление там, где он не обязан быть. Может обойтись с ним пожеливее, чем с каким-нибудь писцом уездного присутственного места, и даже наделать ему замечаний насчет его одежды и т. д. ... Подобного рода факты, каков бы ни был их исход, чрезвычайно прискорбны, т. к. они разрушают ту стройность и то единомыслие, какие современное наше законодательство стремится установить между представителями общественных прав и интересов. В таких актах проглядывают прежде всего старые, отживающие свое время понятия, и очень желательно, чтобы они поскорее исчезли, оставив о себе одно только темное представление...

Другая газета — “Русский мир” (№ 29) — посмотрела на происшествие совершенно обратно. По ее мнению, напротив, голова не имеет и малейшего права видеть в требовании губернатора притязательность, и что губернатор был совершенно прав.

Городской голова, по новому, высочайше утвержденному, Городовому положению, находится в известных случаях даже в прямой подчиненности губернаторам. Так, городской голова состоит только членом губернского по <городским> делам присутствия, председателем которого, по новому Положению, состоит губернатор. Известно, что представители земства находятся в более самостоятельном отношении к губернским административным властям, вследствие чего, например, председатель Губернской земской управы не имеет мундира для ношения его во время исправления своих обязанностей, в то время как коронный мундир⁸² обязаны носить новые городские головы.

“Русский мир” изображает притом и самые толки в Москве в ином виде. Он находит в Москве порицателей решения, взятого головою:

“Москва разделилась теперь на два лагеря. Одни безусловно порицают выход в отставку г. Лямина, другие же, сожалея об этом грустном случае, находят, что нельзя не скорбеть при виде того, как у нас, иной раз, никому не обременительной и в сущности невинной форме, некоторые лица, избранные обществом, приносят в жертву лучшее из прав, дарованных выборами, а именно — право прежде всего быть полезными избравшему их обществу. Видно, долго еще мы будем <думать> более о форме, чем о том, что кроется под этой формой”.

“Русскому миру” отвечают “Биржевые ведомости” и стыдят ретроградную газету за ее всюду обнаруживающиеся поползновения.

1-го февраля. “Московским ведомостям” отвечают “Русские ведомости”, замечая, что до сих пор, сколько известно, никому в Москве занимающая ее история не представлялась в виде шутки. Была бы странная шутка — компрометировать представителя городского управления. Университетская газета⁸³ нехорошо рекомендует свое отношение к городскому представительству, когда полагает, что достоинство его очень легко может быть подводимо под обух любым шутником.

2-го февраля. “Московские ведомости” защищаются от “Русских ведомостей”, что они не думали ничего сказать против городского головы, ни тем не менее против достоинства городского представительства, что всякий в их словах мог усмотреть иронию, с которой они говорили о губернаторе. Газета стоит на том,

что голова не есть подчиненный губернатору, хотя губернатор и председательствует в губернском по городским делам присутствии»¹.

Надо признаться, что надо особое мытарство наших молодых администраторов-генералов, чтобы заварить такую глупую историю. Высшая же администрация считает своим долгом поддерживать своих агентов во что бы то ни стало, даже во всех творимых ими глупостях. Это называется поддерживать достоинство правительства.

Надо сказать, что Дурново принадлежит к тем юным и светским генералам, которые по связям и богатству вдруг выдвинулись вперед и, никогда и ничем не занимаясь, стали кандидатами на высшие административные места. Не имея никакого понятия ни о новых реформах, ни о прежнем порядке вещей, они по примеру и с голоса старших таких же генералов считают *bon genre** ругать все новые реформы и относиться к ним враждебно. В губернских должностях они враждуют с судебным управлением и с земством, а теперь, с изданием нового «Городового положения», они считают своей обязанностью видеть в самостоятельности городского управления враждебное правительству начало. Более или менее резкое выражение этого направления зависит от личного характера и такта каждого лица, но общее направление дается сим юным администраторам свыше, от министерства.

Нет никакого сомнения, что и генерала Дурново науськали против московского, будто, дурного духа здесь, в Петербурге, а он сдуру и начал рубить сплеча. При этом же он косноязычен и с виду не только некрасив, но и не представительен и, вероятно, говорил тоном, возмущившим слушателей. Говорят, выбор Дурново в должность московского губернатора сделан самим государем — при этом принято в соображение, что у Дурново 600 тыс. годового дохода, что у него милая жена и что поэтому дом его мог бы быть для московского общества всегда открытым и приятным. Сам же Дурново был уже самостоятельным губернатором в Харькове, а потому считал понижением звание московского губернатора, который при генерал-губернаторе далеко не имеет того значения, как губернатор в провинции. Он надеялся, а может быть, ему и было обещано, что он останется в Москве генерал-губернатором, когда уйдет князь Долгоруков, против которого уже давно и Тимашев, и Шувалов интригуют. Все эти обстоятельства, вероятно, и настроили Дурново на тот фальшивый тон, с которым он отнесся к городскому голове и чиновникам. Надо сказать, что Лямин, новый городской голова, избран был в эту должность при особом старании правительства, которое предпочитало его другому баллотировавшемуся кандидату — князю Щербатову, а потому неловкость выходки Дурново еще становится глупее. Теперь, как и следовало ожидать, начинают здесь распускать слухи и представлять государю, что Лямин действовал по

¹ В 1-м примечании к II статье Городского положения говорится, что когда в губернском присутствии обсуждается дело города Москвы, председательство может принять генерал-губернатор, а губернатор тогда обращается в простого члена (примечание автора).

* хорошим тоном

наущению других, что главные действующие лица в этом, как и во всех московских делах, суть: Самарин, князь Черкасский и К°, Щербатов, но в особенности укоряют Долгорукова, что будто он устроил весь этот скандал, желая повредить Дурново. Как бы то ни было, но здесь, кажется, решились официально поддержать Дурново, принять отставку Лямина и затем быть готовыми к новым разного рода манифестациям московского общества. Теперь не может быть сомнения, что ежели Лямин не пойдет вновь баллотироваться в головы, то никого не выберут, а засим, ежели по необходимости назначат голову от правительства, то все члены Думы подадут в отставку.

Хотя в конечном результате все-таки ничего из этого не будет, но вся эта история свидетельствует о ненормальном отношении правительства к совершенным реформам. Вредная сторона этого направления заключается в особенности в том, что всем этим реформам само правительство в самом начале искусственно дает вредное для себя направление — оно создает антагонизм там, где ему нет причины быть. Эту скверную закваску не скоро можно будет исправить даже при разумном действии правительства. С детства самой мамкой зашиблены все наши новые учреждения. Нельзя без досады слушать, как мелко и легко судят почти все высшие наши власти о всех общественных проявлениях. Единственно только одна анекдотическая сторона дела занимает их. Но что всего удивительнее — это то, что при подобном настроении правительства и явном нежелании государя и его присных уступать в чем-либо требованию времени и новых учреждений, казалось бы, надо сидеть спокойно и не поднимать новых и существенно важных вопросов, однако — нет... Вопросы эти поднимаются и дают даже такие последствия, которые неминуемо подвинут целый ряд новых вопросов, прямо противоположных духу и намерениям правительства.

Так, например, находится на рассмотрении Государственного совета проект министра внутренних дел о гражданском браке раскольников. Мало того, что этот вопрос, можно сказать, искусственным образом поднят был Валевым во время управления им Министерством внутренних дел, — он разработан весьма поверхностно, и в самом проекте закона слышится какая-то боязнь назвать дело по имени, чтобы отнюдь не показалось бы оно принятием со стороны правительства принципа гражданского брака, тогда как, в сущности, для раскольников предполагаемая мера есть не что иное, как гражданский брак. Эта боязнь собственного либерализма заставляет идти дальше, чем нужно, таким образом, проект отвергает всякую формальность при регистрации раскольнических браков и при узаконении уже рожденных вне брака раскольников — из этого на практике могут выйти весьма важные последствия и раскол на практике ставится в весьма привилегированное положение. Весь смысл и дух нового проекта так проникнут сознанием необходимости изменить в корне прежнее отношение нашей церкви и законодательства к расколу, и в нем проводится так радикально начало свободы совести, что, казалось бы, что при общем противоположном настроении правительства по отношению ко всем остальным вопросам не должно бы быть места подобному взгляду на свободу совести. Последствия этого противоречия обнаружатся весьма скоро — лишь только закон войдет в силу и логические его последствия выразятся, то к ним правительство отнесется вновь враждебно.

1873 год

25-го февраля. Вот каким официальным актом разрешается столкновение московского городского головы с губернатором:

**Циркуляр министерства внутренних дел губернаторам.
С.-Петербург, 9-го февраля 1873-го года.
№ 385.**

Вследствие возникших недавно сомнений по поводу тех отношений, в которых должны состоять городские головы к начальникам губерний, с высочайшего государя императора разрешения, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что по смыслу подлежащих статей закона о пространстве и пределах власти губернаторов — (II т. Св. Зак. Общ. Губ. Учреж.), а равно высочайше утвержденного 16-го июня 1870-го года «Городового положения» (ст. 1, 5, 29, 56, 68, 98 и 106), городские головы подведомственны губернаторам на том же основании, как и другие лица, служащие в губерниях по выбору. Из сущности же этого положения истекает, что городские головы оказывают губернатору, коему присвоено право надзора за законным исполнением городским общественным управлением возложенных на него обязанностей, должное уважение как представителю высшей правительственной власти. На сем основании, а равно и ввиду того, что городским головам, согласно ст. 98 «Городового положения», присвоен мундир по высочайше утвержденному образцу, а именно мундир, установленный для всех чинов ведомства Министерства внутренних дел, званию городского головы приличествует ношение сего мундира во всех тех случаях, когда, согласно общепринятым правилам, все другие служебные чины бывают в присвоенных их должностям мундирах. Нет никаких оснований к тому, чтобы избранные сословиями или обществами представители выделяли себя в этом отношении из общего состава чинов, состоящих на государственной службе.

Сообщая о сем Вашему Превосходительству, покорнейше прошу Вас поставить в известность городских голов вверенной Вам губернии, разъяснив им при этом, что соблюдение ими вышеизложенных отношений к начальнику губернии нисколько не нарушает предоставленных законом городским обществам прав и что, напротив того, устранение всех, даже по сущности своей незначительных недоразумений может лишь способствовать правильному и правомерному течению дел, городским общественным управлениям вверенных.

Этот ничего не разъясняющий циркуляр весьма верно выражает тот сумбур, который царствует в отношениях правительства к им же созданным учреждениям. Во-первых, об отношении городских голов в губерниях не возникало сомнений, а относительно Москвы, где есть генерал-губернатор и где городской голова гораздо менее находится в соприкосновении с гражданским губернатором — ничего в циркуляре не говорится; во-вторых — министр говорит в циркуляре, что городскому голове *п р и л и ч е с т в у е т* надевать мундир, но так как закон представляет только голове право носить мундир, но не обязывает его к тому, что это указание на приличие имело бы смысл, ежели бы генерал Дурново всем тоном своей выходки не обнаружил бы желаний на первых же порах оборвать представителя нового самостоятельного учреждения. Эта глупая история этим, вероятно, не кончится. Лямина отставка принята — Дурново остается губернатором, будут назначены новые выборы, вероятно, баллотиро-

ваться в головы никто не будет. Ежели назначат голову от правительства, то, вероятно, все или многие гласные выйдут в отставку, и вся эта сумятица — из глупого страха правительства уронить достоинство признанием ошибки в выборе дурака на губернаторское место.

10-го марта. Теперь я занимаюсь прочтением Устава о воинской повинности, который, вероятно, с будущей недели начнет рассматриваться в Особом присутствии Государственного совета, где я и буду присутствовать. Вопрос разработан весьма удовлетворительно, а проект пройдет, вероятно, без существенных изменений.

Нельзя не признать пользы предлагаемой реформы, но важность и громадность социальных последствий ее меня смущают, и тут мне сдается, что правительство все больше и больше запутывается в противоречии. С одной стороны, безумная реакция против всех совершаемых реформ, с другой — неукротимый либерализм в новых мероприятиях. Странное положение...

6-го апреля. С понедельника 2-го апреля начались в Государственном совете заседания Особого присутствия для обсуждения нового «Положения о воинской повинности». Несмотря на Страстную неделю, было уже два заседания, и было назначено на завтра — Страстную субботу — третье заседание, но сегодня получил повестку об отмене. Вероятно, на Святой неделе будут часто собираться, ибо до сих пор дело подвигается тихо. Из 180 параграфов едва рассмотрено в 2 заседания с небольшим 20, а между тем хотят кончить рассмотрение проекта в нынешнюю секцию, которая кончается 15-го мая, а вопрос из общего присутствия должен еще поступить в Общее собрание Государственного совета. Не знаю, как можно успеть это сделать. Как и следовало ожидать, общий вопрос о пользе и своевременности реформы вовсе и не обсуждался. Государственный канцлер князь Горчаков пытался было в самом начале кое-что сказать о важности реформы и о необходимости соблюдать некоторую постепенность при радикальных преобразованиях, но говорил он очень нескладно, не пришел ни к какому заключению, а так, остановился на общих местах и выражениях.

Затем приступлено было к обсуждению проекта по статьям, и на многих статьях довольно долго останавливались. Главным защитником проекта является, разумеется, военный министр, засим Валуев в качестве возбудителя вопроса часто выступает с громом трескучих фраз. Шувалов до сих пор ограничивается замечаниями, из общего смысла которых видно, что он готовится выступить с каким-то предложением, неприятным для военного министра. Из разговоров в курительной комнате можно заключить, что против военного министра Милютина сильно раздражены все сильные мира сего. На днях только окончилось заседание Особого комитета под председательством государя, в котором в присутствии великих князей — обоих фельдмаршалов — и некоторых начальников военных округов рассматривался вопрос об организации армии. По поводу этого вопроса образовалась сильная интрига всех высших военных властей против Милютина. Самая злая критика обращена была на настоящую

организацию армии и введенную Милютиним систему военных округов. Уже несколько лет тому назад князь Барятинский (фельдмаршал), подбитый разными недовольными генералами, пытался посредством журнальной полемики возбудить общественное мнение против военного министра и в особой записке, представленной государю, доказывал, что система округов и все реформы, произведенные Милютиним, совершенно уничтожили нашу армию. Тогда много об этом говорили, но государь на первых же порах принял сторону Милютина, и дело кончилось ничем. Теперь же интрига была обставлена искуснее и дело дошло до того, что Милютин решительно просил и настаивал на увольнении. Не подлежит сомнению, что ежели бы враждующая против Милютина партия имела бы в среде своей хоть одного мало-мальски способного и живого человека, то Милютин не удержался бы. Но так как полное ничтожество в особенности отличает всех этих салонных генералов, и так как ни один из них не в состоянии даже формулировать какой-либо план организации, то бедный государь, после продолжительного колебания, не мог решиться уволить человека, с которым 10 лет работал в одном направлении и в полном согласии, и пуститься в неизвестность. В последнем заседании государь решительно объявил, что остается при прежней системе, допустив в ней некоторые частные изменения. Это решение сильно раздражило всю враждебную Милютину партию, но она не утратила надежды восторжествовать при более благоприятных условиях. Теперь действительно время для их замыслов весьма неудобно...

На сих днях ожидается приезд германского императора. Все, в особенности государь и военные, заняты приготовлением всяких торжественных встреч, приемов, парадов и т. д. ... В такое время нельзя решиться на перемены в личном составе и организации Военного министерства. Но после отъезда императора интрига, вероятно, опять начнется. Я даже уверен, что германский император, со своей стороны, поможет ей, так как князь Рейс, по-видимому, помогал ей прежде, ибо для пруссаков ничто не может быть приятнее, как втянуть нас в какое-нибудь серьезное преобразование организации войск, которая займет нас по крайней мере на 10 лет и расстроит то, что худо или хорошо, но существует и действует. Милютин во всей этой борьбе держит себя прекрасно и с большим достоинством и спокойствием. Мне слишком мало известны хорошие и плохие стороны его управления, поэтому я не могу о них судить. Для меня только очевидно, что Милютин неизмеримо выше по уму и способностям всех своих противников и так предан делу, что ничего другого не знает и знать не хочет. Это последнее обстоятельство и дает ему силу и твердость переносить все неприятности в неравной борьбе. Я тоже не думаю, чтобы он, несмотря на свое теперешнее торжество, долго бы удержался. Ему самому будет легче без него, ибо пока он будет министром, его не оставят в покое. С другой стороны, государь, видимо, поколеблен и едва ли сохранит прежнее доверие к системе Милютина. К тому же Милютин и Рейтерн — два последних министра, участвовавшие в реформах первой половины царствования, — и не принадлежат к партии Шувалова и К°, поэтому так или иначе, не мытьем так катанием, а, весьма вероятно, его скоро выживут. Шувалов пустит в ход систему доносов, а там кончится обычным способом. Между прочим, Шувалову на днях кто-то недурно сострил,

сказав, что между известным певцом — Тамберликом и Шуваловым только та разница, что один берет до грудью, а другой — до-носом.

11-го апреля. Сегодня было третье заседание в Особом присутствии Государственного совета по вопросу об общеобязательной воинской повинности. Прочли немного параграфов, ибо вопрос рассматривается внимательно, и великий князь председательствует с замечательным спокойствием и знанием дела. Между прочим, относительно параграфов 39-го и 40-го я сделал предложение, чтобы допущена была мена жребия между лицами, призванными к отбыванию повинности и принадлежащими к одному сословию и одному участку. Предложение это я сделал сперва письменно. Оно было напечатано и предварительно разослано всем членам, я предвидел, что мое предложение не найдет поддержки в военном министре, но надеялся, что по крайней мере те, которые видимо негодуют на всю реформу, отзовутся сочувственно к мере, которая хотя отчасти могла бы ослабить произвол жребия. В печатном мнении я изложил следующее: в действующем законодательстве нашем о жеребьевом порядке отправления рекрутской повинности (I Ут. Ст. 876, п. 2) установлен один специальный вид замены, а именно мена номеров жребия между лицами, призванными к отправлению рекрутской повинности. Этот вид замены с некоторыми ограничениями полезно было сохранить и в предстоящей реформе. С сохранением его, во-первых, не нарушается принцип, положенный в основание нового законодательства, во-вторых, значительно упрощается составление правил об отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности, в-третьих, смягчается тягость радикального преобразования и тем обеспечивается дальнейший успех всей реформы. Защита Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного — вот принцип, положенный в основание общеобязательной воинской повинности. Ежели под защитой Отечества разумеется непреложная обязанность защищать его от нападения в военное время, то от сей обязанности не освободится и тот, кто воспользуется правом промена номера жребия, ибо он поступает в состав ополчения и может быть призван в запас. Ежели под священной обязанностью защищать Отечество разумеется обязанность и в мирное время служить в рядах войск, то вся предложенная реформа не остается верной этому принципу, ибо только не более трети призванных поступают на действительную, службу, и эта треть избирается путем жребия.

Так что, в сущности, общий принцип сводится к безусловному обязательству только того из русских подданных, которому выпадет обязательный жребий. Но жребий не есть принцип — он только форма избрания. С ним не может быть связано понятие о каком-то нравственном начале, напротив, как всякая игра случая, жеребьевая форма избрания может быть терпима только по необходимости. В особенности в народе нашем жеребьевая форма отправления рекрутской повинности не пользуется сочувствием. Все попытки ввести ее оставались почти тщетными. Народ наш не мог примириться с бездушным приговором в деле, касающемся живого интереса разнообразных житейских отношений. Составители проекта нового «Положения»⁸⁴ не оставили без внимания этой темной стороны жеребьевой системы, и в ряде ста-

тей об изъятиях и льготах по отправлению воинской повинности старались найти средства уменьшить вредные последствия неразборчивого приговора случая. Но допущенными изъятиями уже значительно усложнилось законодательство, хотя оно едва коснулось самых выдающихся и крупных поводов к исключениям. Чем проще быт, тем ниже уровень образования, тем сложнее и мельче становятся обстоятельства, от которых зависит тягость личной повинности. Наши податные сословия до сих пор пользовались всеми видами замены и найма, и лишить их сразу всякой возможности умалить суровость жребия было бы крайне несправедливо. Что же касается других сословий, впервые призванных к отправлению воинской повинности, то для них некоторая, хотя бы временная мера, сглаживающая крайность реформы, представляется совершенно необходимою. Как ни сочувственно отнеслись к предложенной реформе все привилегированные сословия — нельзя, однако, в одном похвальном и единодушном самоотвержении видеть более того, что оно на самом деле выражает. Из него никак не следует заключать, чтобы правительство вправе было предать полностью забвению те начала, которые оно до сих пор тщательно, иногда даже искусственно, охраняло и под сенью которых образовались нравы, обычаи, отношения, которые никаким законодательным актом со дня на день изменены быть не могут. Чем важнее реформа, чем ближе она касается личных, частных и разнообразных интересов, тем с большею готовностью должно правительство встретить неизбежный протест со стороны этих интересов. Поэтому всякая мера без вреда делу и без нарушений коренных оснований может сгладить крайнюю тягость реформы, не только не повредит ей, а, напротив, обеспечит дальнейшее ее развитие, ибо отнимет повод к жалобам, нередко вызывающим реакцию. Допустив мену жребия между лицами, призванными к отбыванию воинской повинности, следует, однако, ограничить это право условиями, ограждающими пользу службы. С этой целью полезно было бы постановить, чтобы мена жребия допускалась только между лицами, принадлежащими к одному сословию и приписываемыми к одному призывному участку. Еще прежде открытия заседания я убедился, что никто не решается присоединиться к моему положению, ибо оно противоречит будто бы принципу. Шувалов сказал мне, что сочувствует ему, но что *in hauts lieux** бояться, чтобы не возобновить этим путем наем охотников. Когда дошли до 39-го параграфа, то великий князь вызвал меня защищать свое мнение. Я несколько развил то, что сказано выше и, между прочим, сказал, что я стал весьма недоверчив ко всем реформам, в которых проводится радикально какой-нибудь принцип, без соображения всех его фактических последствий, что, наученный горьким опытом, я знаю, как потом радикальная реформа при первом прикосновении к жизни вызывает реакцию и законодательные причины разных изъятий, и что на этом пути идут дольше, чем следует, что цель моего предложения — открыть, так сказать, один предохранительный клапан для отворачивания необузданных порывов реакции, которые я в этом деле предвижу. На это предложение возражал военный министр, объясняя, что в проекте уже дос-

* в высших сферах

таточно предлагается предохранительных клапанов. Великий князь тоже выразился против моего предложения, и так как никто его не поддерживал, то и я отказался, не желая допускать до баллотировки, хотя я остаюсь уверенным, что предложенная мною мера могла бы быть полезной, в особенности для народа. Засим великий князь, входя в мою мысль о расширении несколько льготы замены, предложил допустить ее не только между братьями, но и между двоюродными братьями, и это понятно.

14-го апреля. Сегодня было четвертое заседание Особого присутствия о воинской повинности. По поводу льготы по образованию возбужден был графом Шуваловым вопрос о том, чтобы всех призванных к повинности и пользующихся льготой по образованию не вводить в состав войска, а образовать из них особые команды. Это предложение вызвало оживленное прение. Военный министр заявил, что он никак не может согласиться на это предложение, и в особенности на то, чтобы оно составило предмет закона. Он соглашался, чтобы выражена была в общих выражениях обязанность командиров иметь особое попечение о лицах, получивших образование, и заявил даже намерение сделать по министерству распоряжение, чтобы краткая служба лиц, пользующихся льготой, происходила в казармах и под особым надзором, но решительно протестовал против обязательного учреждения особых команд.

Военного министра сильно поддерживали великий князь и Чевкин, а Шувалов, Тимашев и Пален были против. Главный мотив Шувалова сперва им скрывался, но наконец он высказал явное опасение, чтобы элемент образования, в лице нашей зараженной нигилизмом молодежи, не возмутил бы всю армию. При этом случае Тимашев, Шувалов и Панин один за другим старались допустить, что революционная пропаганда у нас так сильна, что ничто перед ней устоять не может, и все это производят студенты университетов, Медико-хирургической академии и Технологического института... Эти господа серьезно воображают сами — и, что хуже, убеждают государя, что вся Россия, весь русский народ, все войско способны одним разом поверить молодым людям 21-го года, что не нужно царя, не нужно правительства и проч. ..., что все спокойствие государства держится только тем, что они держат под надзором полиции всю эту учащуюся молодежь. Что сам народ, само общество, само войско неспособны дать отпор безобразным учениям юных нигилистов... Вся Россия в глазах этих господ ограничивается тем кругом, в котором вращается их полицейская деятельность. По окончании заседания я сказал Тимашеву, что его заявление очень меня порадовало и успокоило — он сказал, что каждый день получает сведения о пропаганде вредных идей, я заметил, что из его слов я заключаю, что отпор сильнее пропаганды, ибо все, слава Богу, обстоит благополучно, и что ни один гражданин Российской империи и не подозревает, что в ней так силен революционный элемент. Генерал Дрентельн который присутствует в Совете в качестве эксперта⁸⁵, на вопрос великого князя, что он думает о влиянии, которое может произвести на солдат новый элемент образованных и недовольных юношей, прямо отвечал, что он так уверен в благоразумии, смысле и твердости русского солдата, что не имеет ни малейшего опасения, чтобы такая пропаганда

могла бы на него подействовать, а напротив, не ручается за спокойствие команды, которая вся будет составлена из молодежи, взятой со школьной скамьи. На это граф Шувалов отвечал генералу Дрентельну, что он будто бы не знает этой молодежи. Генерал Дрентельн мог бы с большим основанием заметить графу Шувалову, что он не знает ни русского солдата, ни народа. После долгих прений не пришли ни к какому результату и отложили вопрос до следующего заседания, которое назначено на будущую среду.

Завтра приезжает сюда германский император. Встреча ему готовится великолепная. Пруссомания государя еще усилилась, поэтому, вероятно, не будет пределов всяким унижительным с нашей стороны манифестациям. Весь город, по приглашению полиции, украшен русскими и прусскими флагами и бюстами германского императора. Вот программа празднеств:

«...»^с сообщает, что на время пребывания германского императора в Петербурге предложена следующая программа празднеств и парадов. В воскресенье 15-го апреля — семейный обед в Зимнем дворце. В понедельник 16-го апреля — семейный обед в Аничковом дворце. Во вторник 17-го апреля — большой прием во дворце, парад, семейный обед в Зимнем дворце, большая зоря в 10 часов вечера. В среду 18-го апреля — обед в Зимнем дворце и бал в Эрмитаже. В четверг 19-го апреля — обед в Петергофе, бал в зале Дворянского собрания. В пятницу 20-го апреля — большой смотр войскам, вечером даровое представление в театре для войска. В субботу 21-го апреля — прогулка и обед в Царском Селе. В воскресенье 22-го апреля — парад Калужскому полку и торжественный обед. В понедельник 23-го апреля — семейный обед у Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича старшего, вечером бал в Аничковом дворце. Во вторник 24-го апреля — парад полкам имени Его Величества императора германского. В среду 25-го апреля — отдых.

Все празднества в честь германского императора совершены были с маленькими изменениями против приложенной выше программы. Всему содействовала прекрасная погода. Я лично мало принимал участия в этих торжествах. Был только на выходе 17-го числа, на балу в Эрмитаже, на двух обедах в Зимнем дворце, на балу у цесаревича и у германского посланника. При въезде императора я не присутствовал из-за суеверного предрассудка. Я был случайно в Вене в 1865-м году, когда прусский король — теперешний император — въезжал в Вену. Год спустя Австрия была в войне с Пруссией. Потом в год выставки в 1867-м году⁸⁶ был я в Париже и присутствовал при въезде прусского короля в Париж. Два года спустя Франция была в войне с Пруссией. Каковы будут последствия визита этого дорогого гостя — одному Богу известно. Пока теперешний король-император жив, можно, кажется, с достоверностью сказать, что у нас с пруссаками войны не будет, но он уже стар, а после него вряд ли продержится долго наша дружба. Наш царь во время пребывания пруссаков был, кажется, весел и доволен, а перед тем приближенные его постоянно жаловались на дурное расположение его духа. Теперь он переехал в Цар-

^с Так в тексте.

ское Село и опять, говорят, находится в раздраженном состоянии. Отчасти, вероятно, это происходит оттого, что предположенная свадьба великой княжны Марии Александровны с принцем Альбертом Английским как-то не устраивается, а главное потому, что Тимашев и Шувалов продолжают потчевать его всякой полицейской дрянью.

Сегодня, между прочим, в Государственном совете, несмотря на воскресный день, было заседание соединенных департаментов для рассмотрения внесенного Тимашевым проекта с новыми безобразными стеснениями печати. Я, со своей стороны, воевал, сколько мог, по одному вопросу о праве министра внутренних дел — запрещены вовсе обсуждения известных предметов, я произвел разногласие, а по другому вопросу — о праве министра требовать от редакторов указания лиц, сообщавших разные сведения, хотя последовало и единогласие, но совершенно изменена не только редакция, но и первоначальная мысль проекта. Этот проект уже был предварительно доложен Тимашевым государю и им одобрен, причем приказано всем министрам защищать его.

Уже не в первый раз подобные предрешенные проекты вносятся в Государственный совет только для проформы и дабы всякую нелепость прикрыть формой закона, легально рассмотренного.

Несмотря на все это, я ратовал, сколько мог, и, вероятно, мне от этого не поздоровится, но такой гнусной роли, которую принимал на себя Валуйев, я даже от него не ожидал. В 1861 году он, будучи министром внутренних дел, вносил в Государственный совет и отстаивал тот проект о печати, который потом окончательно осуществился в указе от 6-го апреля⁸⁷. Тогда он либеральничал до того, что я должен был удерживать его от разных уступок, на которые он соглашался в ущерб власти. А теперь, желая во что бы то ни стало держаться Шувалова и К^о, он теми же напыщенными и бессмысленными фразами защищал прямо противоположные мысли и при этом не хочет сознаться в перемене своего взгляда. В первом заседании он говорил всякую чушь, пользуясь тем, что Тимашев будто бы охрип и не может говорить, и что он излагает мысли не свои, а Тимашева, а сегодня, когда я настаивал на мысли, что лучше и честнее было бы прямо восстановить цензуру, чем делать это путем крючкотворных и инквизиционных постановлений, — он самым недобросовестным образом отвергал всякую мысль о том, что будто бы он желает ограничивать ту долю свободы, которая дарована указом 6-го апреля. В моем историческом очерке о реформе печати я опишу подробнее все содержание сегодняшнего заседания. Заседания о военной реформе идут своим чередом, торопятся окончить рассмотрение всего проекта в нынешнюю сессию. Не знаю, правда, как согласовать общий дух всего того, что, например, сегодня говорилось по поводу печати, с общим духом всей, например, военной реформы. Социальный переворот, который неминуемо произведет эта реформа, не останавливает и не пугает всех тех лиц, которые со страхом и ужасом говорят о распущенности нашей будто бы прессы. Газеты печатают, в виде слуха, оглавления дел, которые рассматриваются в Государственном совете, и это представляется столь опасным и вредным, что предусматривается специальный закон для предотвращения подобного бедствия... Черт знает, что такое...

14-го мая. Сегодня было последнее заседание Общего собрания Государственного совета, с сегодняшнем днем кончается сессия. К последнему дню накопилось, как всегда, много дел, и в том числе много важных, некоторые из них под разными предложениями отложили до осени, а проект закона, сочиненного министром внутренних дел, о стеснениях печати подвергнут окончательному обсуждению. Вследствие нашего протеста в соединенном департаменте, гг. Тимашев, Шувалов и К^о поняли, наконец, что невозможно и неприлично вносить в Общее собрание закон в той форме, в какой он представлен министром внутренних дел. Они готовы даже были взять все предложение назад. Но так как они вмешали в это дело государя и он выразил положительно свои требования, чтобы закон этот прошел, они стали придумывать способ выйти из этого положения с наименьшим позором. После нескольких предварительных совещаний и переговоров с великим князем они решили вторую часть предложения, обязывающую редакторов выдавать имена лиц, сообщивших им сведения, совсем отложить, а в первой части предложения сделать редакционные изменения, ограничивающие власть министра запрещать суждения по вопросам только государственной важности. Несмотря на эти изменения, я и оставшиеся со мной 4 члена остались при мнении, что такого закона издавать не нужно. В заседании я говорил 3 раза. В первый раз я повторил, с некоторыми дополнениями, все доводы, приведенные в мнении меньшинства, а потом, отвечая на возражение Тимашева, коснулся более существенных сторон вопроса. Между прочим, Тимашев объявил, что он даже не понимает, какая может быть у министра нравственная сила для направления и влияния на печать, я на это отвечал, что против такого непонимания я обезоружен, но что тогда необходимо восстановить цензуру, ибо при отсутствии ее придется для каждого действия министра составлять новый закон. Ежели министр опасается, что редакторы не будут его слушать, ежели он объявит им, в случае особой важности, приказание не говорить о каком-либо государственном вопросе, что он может также опасаться, что без определенного закона редактор не явится на его приглашение или не захочет с ним говорить, — вообще, ежели министр полагает, что в делах мысли и слова можно действовать только прямым применением закона, то он должен отказаться от карательной системы и возвратиться к предупредительной цензуре. Общее настроение большого числа членов Государственного совета было в пользу моего мнения, и ежели неизвестно было бы, что государь выразил уже свое мнение, и ежели бы великий князь, тоже уступая необходимости, не сказал несколько слов в защиту необходимости издать закон, то я уверен, что с нами согласилось бы большинство, но и при этих невыгодных условиях при баллотировке в пользу нашего мнения оказалось 12 членов, а против — 23, в том числе все министры, так как они связаны были объявленной им волей государя. Все это дело, в сущности, не имеет никакого значения, ибо и при законе, и без закона министр внутренних дел всегда имеет и будет иметь право делать и объявлять все, что он хочет, и никто против этого ни протестовать, ни жаловаться не будет, но во всем этом замечательны только те побудительные причины, которые вызывают подобные положения, — все это из желания понравиться государю инициативой реакционных мер...

В том же заседании было еще одно дело, в высшей степени замечательное. Министр внутренних дел ввел предложение об устройстве взаимного земского страхования и, между прочим, полагал предоставить земским собраниям делать постановления о мерах к предупреждению и тушению пожаров. Товарищ министра финансов генерал-адъютант Грейг случайно, за отсутствием министра, бывший в заседании соединенных департаментов, где это дело рассматривалось, нашел удобным воспользоваться этим случаем, чтобы тоже обнаружить свою благонамеренность, и самым резким тоном заявил, что он никогда не согласится предоставить земским собраниям делать какие-либо постановления, ибо это — республиканское начало и поведет нас к страшным последствиям, что народ наш привык исполнять царские законы, а не земские законы. Все это Грейг, оставшись один при своем мнении, написал весьма резко, с явную целью и надеждой, что мнение это будет прочитано государем... Одним словом, просто объявляет «Слово и Дело»... Князь Урусов, председатель Департамента законов, получив это мнение, пришел в ужас и не знал, как пустить его в Общее собрание — начались переговоры, совещания, собрания у Шувалова, который, разумеется, сейчас же принял сторону Грейга и, наконец, при помощи великого князя пришли к соглашению в редакции так, чтобы в Общем собрании не дать повода коснуться щекотливого вопроса. Хотя цель Грейга не достигнута, ибо мнение его не будет прочитано государем, но, не менее того, *cela le pose**. Со стороны противно на это смотреть, и я с каждым днем все более и более благодарю Бога, что вышел из этого безобразного омота, и не только вышел, но *j'ai brulé mes vaisseaux***, ибо по всем почти вопросам в Совете я имел случай доказать, что на сделки не пойду. Проект воинской повинности окончен рассмотрением в Особом присутствии, остались только несколько отдельных вопросов, которые будут рассмотрены осенью и засим, вероятно, в октябре, поступят в Общее собрание более для проформы, так как к январю месяцу состоится, вероятно, указ.

Все эти дни здесь праздновали приезд персидского шаха, теперь все кончилось, царь уезжает 18-го числа в Вену на выставку, все министры разъезжаются.

15-го июля. Уже скоро месяц, что я живу в деревне и пользуюсь вакантом⁸⁸ в полном смысле, ничего не делаю. Предполагал пить мариенбадскую воду, но соблазнился ягодами и грибами и отложил лечение, не чувствуя, впрочем, к нему особой надобности. Урожай всех хлебов и трав превосходный, но погода стоит дождливая и уборка весьма затруднительна. Я наконец решился отдать всю свою непаханную землю исполу крестьянам. Много было хлопот и труда, чтобы уговорить крестьян на столь выгодное для них дело. Отдельно с каждым из них можно иметь дело, но с миром, в котором еще до сих пор имеет влияние сторона крепостного положения, невозможно прийти к какому-либо соглашению.

* это его позиция.

** я сжег мои корабли

15-го сентября. Прожив до половины августа в деревне, я отправился с дочерьми в Крым, где мы вместе с графиней Протасовой наняли на осень дачу. До Одессы доехали весьма спокойно железной дорогой, а в Одессе сели на пароход «Аргонавт». К сожалению, пароход оказался весьма неудобным, старым и даже в обыкновенное время укачивал, но, на нашу беду, нас застигла в море весьма ветреная погода, которая на другой день, а именно 21-го числа, обратилась в сильнейшую бурю, какую в настоящее время года старожилы не запомнят. Ночью 20-го числа нас всех укачало и, что хуже всего, — в каютах было так мокро от струившейся отовсюду воды, что Вавочка лежала больная около 20 часов в воде. К утру, подходя к Севастополю, погода стихла и мы благополучно вышли на берег, чтобы отсюда уже сухопутно продолжать путь в Ялту. Но люди с вещами отправились далее на пароходе, и их-то и застала самая сильная буря, которая помешала им пристать к Ялте, и они высадились в Феодосии, откуда уже со следующим пароходом, через 4 дня, они вернулись в Ялту.

Тем временем мы, переночевав в Севастополе, в Херсонесском монастыре у архимандрита Евгения, на славу нас угостившего, поехали через Байдарские ворота по южному берегу и, ночевав по дороге у Байдарских ворот, прибыли благополучно в Ялту 23-го числа при великолепной погоде. Немедленно по приезде в Ялту я поехал в Ореанду⁸⁹ к великому князю, который на другой день ждал приезда великой княгини — королевы греческой с детьми. Вся семья его собирается в Ореанду, чтобы праздновать серебряную свадьбу. Великий князь принял меня очень любезно, сам водил показывать все прелести Ореанды, и, наконец, мы с ним поехали осматривать места, которые он раздаст своим приятелям в Ореанде с условием, чтобы там строили дачи. Он указал мне на выбор два места, и я взял одно из них в 600 кв. сажен на всякий случай, ибо приятно иметь хотя бы уголок земли в этом восхитительном месте. Ежели не я, то кто-нибудь из детей моих, может быть, будет в состоянии воспользоваться этим местом. Празднование серебряной свадьбы назначено на 30 августа. Праздник этот как-то не вяжется и едва ли будет очень радостен, ибо отношения обоих супругов с каждым годом становятся все более и более натянутыми и неприятными. Благоверная супруга и прежде часто ужасно дурила, а теперь по временам совершенно с ума сходит, живет за границей с меньшими детьми и блажит. Около 20 лет великий князь был примерным мужем и верным, и даже слишком был под командой своей супруги. Но, наконец, и его терпение лопнуло, и он, кажется, махнул рукой на нее.

21-го приехали на пароходе «Ливадия» государь и императрица. Я видел издалека их приезд, но за неимением мундира и не желая вообще представляться, я скрывался и на другой день^{*} выехал из Ялты обратно в Березичи, где, пробыв несколько дней, приехал окончательно в Петербург. Здесь еще никого нет, все министры в отсутствии. Вчера было первое заседание в департаменте Государственного совета по пустым делам. Прежде конца месяца не начнется настоящая сессия.

^{*} Так в тексте.

10-го октября. Понемногу начинают съезжаться. В Государственном совете заседания начались не только в департаментах, но и в Общем собрании. Теперь мы занимаемся в Департаменте законов рассмотрением нового устава о гербовом сборе. Много предполагается новых сборов, и отчасти изменяется и система взимания. Все эти преобразования, предпринимаемые главным образом с финансовой целью, усложнят житейские отношения. Вообще, с каждым десятилетием труднее становится жить, а с введением воинской реформы, а впоследствии, вероятно, реформы податной еще будет труднее. Не знаю, облегчится ли настолько жизнь низших классов народа, насколько утягнется жизнь высших классов. Царь еще в Крыму и, говорят, пробудет там до половины ноября. До сих пор, говорят, он был в хорошем расположении духа. Дети пишут мне, что часто танцуют, гуляют пешком и верхом и что погода там восхитительная. На днях поехал в Крым граф Шувалов и, вероятно, повез с собой разные материалы, чтобы показать, что Россия бунтует. Каждую осень происходит одна и та же история. Открываются какие-нибудь студенческие или другие беспутные сходки молодежи, все это приличным образом раздувается, делаются аресты, высылаются административным порядком несколько несчастных молодых людей из Петербурга и из Москвы, и этим дело кончается. *Cela donne le ton pour toute la saison**. Из сметы III Отделения видно, что с 1866-го года на одни секретные расходы отпускается более против прежнего почти на 150 тысяч рублей, не считая того, что жандармские команды всяких наименований более чем удвоились. И все это в царствование самого популярного, самого любимого и потому самого сильного государя...

10-го ноября. Зима в нынешнем году так дружно стала, как я не запомню, до сих пор не было ни одной оттепели, и морозы, при достаточном снеге, стоят довольно сильные. Государя ожидают сюда к 20-му числу, а 24-го последует открытие памятника Екатерине.

Очень жаль, что эта церемония не отложена до весны или лета. Никакой нужды нет морозить верноподанных, когда можно было устроить достойный памяти великой императрицы праздник в более благоприятное во всех отношениях время. Канун именин, т. е. 24-го ноября, ровно ничего не значит, ежели бы это еще был день рождения, то был бы резон...

В Государственном совете возобновились заседания Особого присутствия по вопросу о воинской повинности. Завтра, вероятно, будет последнее заседание, и засим дело поступит в Общее собрание, где, вероятно, окончательно пройдет очень скоро, так что к Новому году, вероятно, реформа будет объявлена. Я уже, кажется, писал, что у меня сердце не лежит к этой реформе. В частностях против первоначального проекта комиссии сделаны некоторые изменения, причем несущественные. Я убежден, что большинство членов Совета не сочувствуют главным основаниям реформы, но об этих основаниях почти не было суждений, потому что они решены и утверждены были государем прежде внесения проекта на обсуждение в Государственный совет. Дай Бог, чтобы опасения мои не оправдались бы и чтобы реформа оказалась полезной на деле.

* Это задает тон на весь сезон.

Заимствовать от Пруссии образцы повинностей и чуждаться заимствований отсюда прав и вольностей — значит не понимать связи между всеми различными отправлениями государства, это то же, что строить по образцу каменного дома здание из глины на песчаном фундаменте. По предложению графа Шувалова, лица, поступающие на действительную службу и пользующиеся льготами по образованию, будут состоять в особенных командах, ибо заявлено опасение, что образованная молодежь будет бунтовать и портить солдат. Поэтому часть нашего войска будет под надзором полиции... Все сословия, без различий, подвергаются натуральной повинности, и вместе с тем боятся ввести общую денежную повинность... Во главе реформы поставлен следующий принцип: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного». А между тем, в сущности, принцип этот в новом законе сводится на священную обязанность каждого русского подданного и играть в азартную и гру, ибо все обязаны только брать жребий, а защищать «Престол и Отечество» будет только треть бравших. Конечно, перемелется — все мука будет, да, но эта мука страшно дорого будет стоить России...

16-го ноября. Сегодня было последнее заседание Особого присутствия по воинской повинности для подписания журнала и проекта. Теперь можно считать дело конченным, ибо в Общем собрании дело будет слушаться 3-го декабря только для проформы и засим поступит на высочайшее утверждение. Не могу выразить, с каким тяжелым чувством я подписывал сегодня журнал и проект. Кажется, не я один имел это чувство. Сама процедура подписания происходила как-то необыкновенно. Великий князь не вставал с кресел и не прекращал заседания, пока все члены не подписали, чего обыкновенно не бывает, ибо журналы обыкновенно подписываются во время разговоров и ходьбы. На этот раз тишина придавала какой-то мрачный вид совершающемуся событию. Приложив руки, все разошлись молча, и на душе каждого, видимо, лежало тяжелое сомнение относительно пользы новой реформы. Я пошел пешком домой с чувством человека, сделавшего недоброе дело. Я более или менее участвовал во всех главнейших реформах настоящего царствования и никогда не испытывал подобного чувства. Это не одно сомнение в пользе новой реформы, а главное, тяжесть от невежественного, неискреннего насилия над внутренним сознанием. Как-то чувствуется, что ни цель не обдуманна, ни средства не приготовлены, ни последствия не соображены, и все делается как-то второпях, неизвестно почему и в угоду какому-то безотчетному стремлению. Ежели бы государь мог, хотя бы отчасти, почувствовать то, что я чувствую, то он непременно сделал бы следующее: возвратил бы все дело назад и приказал бы Совету через 6 месяцев приступить вновь к рассмотрению всего проекта, как в основаниях, так и в подробностях.

Только теперь я сознаю всю мудрость и предусмотрительность английской конституции, подвергающей каждый важный проект закона двукратному, а иногда трехкратному обсуждению в парламенте. При первом всестороннем обсуждении каждой важной реформы только под конец становятся для каждого участвующего в суждении ясными все основания, подробности и последствия но-

вой меры. Во время суждения раскрываются такие стороны дела, которые до того оставались закрытыми, мнения группируются около сродных общих понятий, ближе узнаются тенденции, скрытые побуждения и убеждения различных партий и влиятельных лиц, и с этим запасом сведений, когда вновь, по истечении некоторого времени, приступают к новому суждению, то работа идет не только усиленное, но несравненно плодотворнее. В особенности у нас такой законодательный порядок был бы необходим, ибо все у нас творится порывами, увлечением и модой. Время творит чудеса, когда его умеют употреблять как разумную силу, и напротив, действует разрушительно, когда им пренебрегают. Эту истину мы испытываем в военной реформе. Теперь уже решено, что в январе манифест или указ будет объявлен, а в ноябре 1874 года будет уже первый призыв... Спрашивается, куда такой спех? Народной переписи не сделано, это усложнит процедуру призыва и произведет страшную путаницу. Казарм нет, вооружения и обмундирования нет.

В оправдание наших главных двигателей реформ вообще и в настоящем случае — военного министра — можно сказать только то, что никто из них не может надеяться на продолжительное влияние на государя в одном направлении; сознательно или бессознательно, он так легко изменяет направление, что невозможно отвечать за месяц, не только за годы...

Лучшим доказательством служит, между прочим, то, что неминуемо случится теперь со всей радикальной реформой, произведенной графом Толстым в системе нашего народного образования. Он также с большим усилием, пользуясь настроением государя, заподозрившего всю учащуюся молодежь в мятежных крамольных замыслах, успел провести против мнения большинства реформу всех учебных заведений и приступил к осуществлению ее с лихорадочной торопливостью, без средств. Не имея учителей греческого и латинского языка, насильственно и усиленно стал вводить эти языки во всех гимназиях. Через эту торопливость наделал пропасть вздору и вооружил против себя всех учащихся и учащихся, и все это оттого, что боялся упустить время и вызвать реакцию.

Но теперь вдруг вся его реформа будет подкошена, в сущности, реформой воинской повинности. Он это чувствует и потому всеми силами борется против ожидающегося погрома классицизма, но все напрасно, и государь не поймет этих двух противоречий на нашей русской почве. Ему представится, что в Пруссии уживается же классицизм с общей воинской повинностью, почему же ему не уживаться и у нас... Тогда как ничего общего нет между нами и Пруссией в отношении как самой повинности, так и состояния народного образования, социального быта, побуждений к образованию, политического устройства и всех других условий общественной жизни государства. Опыт докажет, что наши классические гимназии опустеют, что университеты придется закрывать. Но к этому времени классическое увлечение пройдет, и останется от всего этого та ломка в народном образовании, которую мы видели и которую вынесли на плечах своих наши несчастные дети.

25-го ноября. Вчера происходило торжественное открытие памятника Екатерине II. Погода была не очень холодная, но неприятная, а потому вид парада

не был праздничный. Очень жаль. В хорошую погоду весной или летом можно было устроить приличное народное торжество в память этой великой царицы.

Вечером я был у канцлера князя Горчакова. Он приписывает себе большое участие в решении государя поставить памятник своей прабабке. Известно, что покойный государь Николай Павлович враждебно относился к памяти своей бабки. Все великие дела ее и все добро, сделанное государству, не искупили в глазах его вины ее перед мужем и сыном. Семейные неудовольствия, под впечатлением которых Николай Павлович провел свое детство, оставили на нем неизгладимые следы, и он не только не думал видимым знаком почтить память Екатерины, но, напротив, не любил, чтобы при разрешении государственных вопросов делались ссылки на указы или распоряжения Екатерины. Все бумаги и архивы за время ее царствования оставались закрытыми, и только в недавнее время дозволено печатать документы в обилии, находящиеся как у частных лиц, так и в правительственных учреждениях. Александр Николаевич, напротив того, с самого своего вступления на престол неоднократно высказывал сочувствие свое к великим делам Екатерины, и личность этой великой женщины не имела в глазах его тех невыгодных сторон, которые так смущали отца его. Не менее того, и Александр Николаевич долго не решался выразить то уважение к памяти Екатерины, которое уже давно в России чувствовалось, несмотря на скудость сведений о ее царствовании.

Князь Горчаков рассказал мне, что однажды, несколько лет тому назад, будучи в Царском Селе у императрицы, в тех самых комнатах, в которых жила некогда Екатерина, он заметил императрице в присутствии государя, что ему, Горчакову, всегда кажется, что в этих комнатах невидимо обитает еще дух Екатерины, так все ее здесь напоминает. При этом он сказал, что ему всегда прискорбно, гуляя по Петербургу, не видеть ни одного знака, напоминающего царствование этой великой монархини. Государь понял намек и, подумав, сказал Горчакову: «*Mon fils pourra le faire*»*. Горчаков замолчал, но императрица шепнула ему: «*Ne vous laissez pas decourager*»**. Впоследствии Горчаков несколько раз заводил разговор о том же предмете, и наконец узнал через Адлерберга, что решено поставить памятник в маленьком виде в Царском Селе и что модель памятника уже готова. Горчаков пошел посмотреть эту модель и нашел, что подобный памятник не отвечает вовсе его мысли. Екатерина изображена с лирою в руках и в размере обыкновенной статуи. При свидании с государем на вопрос его – видел ли он модель, Горчаков отвечал, что видел и очень недоволен: «*C'est bon pour un confiseur*»***, — и при этом прибавил, что будто бы проходящие при этом мимо модели бабы спросили его: «Зачем матушке царице дали подкову в руки?». — «*C'est peut-être assez pour la famille, mais pas assez pour le pays*»****, — окончил Горчаков и думает, что слова его произвели впечатление, ибо вскоре после того решено было памятник переделать в большом

* Мой сын сможет это сделать.

** Не позволяйте себе приходить в уныние.

*** Это хорошо для кондитера.

**** Это может быть довольно для фамилии, но еще недостаточно для страны.

виде, без лиры и поставить в Петербурге. Как бы то ни было, но памятник, вчера открытый, на мой взгляд, очень хорош, и теперь, по крайней мере на некоторое время, войдет в моду говорить, читать и изучать эпоху екатерининского царствования. Много поучительного представляет это царствование, в особенности для царей...

Сегодня было торжественное заседание Исторического общества⁹⁰, на котором присутствовал наследник и читались Половцовым, Гротом и Бычковым речи о государственной, ученой и литературной деятельности Екатерины. Все-го замечательнее в этой монархине — это ее искренняя и неподдельная любовь к русскому народу. Этим чувством проникнуты были и ее сотрудники — вот разгадка, почему деятельность их была плодотворна. Петр Великий, будучи русским человеком, до глубины костей влюбился в немцев. Екатерина, будучи по природе немкой, влюбилась в русских. Петр не дорожил теми хорошими и отличительными сторонами русского человека, не давая им цены, так как они были ему прирождены, а Екатерина именно потому и была так постоянно верна всему русскому духу и русскому чувству, потому что выработала сама в себе эти чувства и сознательно к ним относилась. Поэтому ни в одном ее указе, ни в одном ее слове нельзя найти фальши против русского духа. Приобретенным добром всегда человек дорожит больше, чем наследственным, так и тут. Мне не раз встречалось примечать, в особенности в женщинах, как они последовательно проводят в жизни те начала, которые вырабатываются или непосредственно опытом, или умом.

Между прочим, нынешняя наша императрица может служить примером. В течение двух лет я почти ежедневно во время зимы был ее чтецом. Во время этих чтений я имел случай близко ее узнать. Я всегда был поражен ее верным пониманием таких вещей и таких сторон русской жизни, которые положительно недоступны нашим не только дамам высшего круга, но и мужчинам. Мария Александровна путем искреннего и серьезного изучения православия пришла к разумению православного русского духа. Разумение это осталось и останется в ней бесплодным по недостатку характера и другим окружающим ее обстоятельствам, но она всегда искренне сочувствует тому, чему может сочувствовать только человек, усвоивший известное миросозерцание. Повторяю, к сожалению, она не оставит по себе следов своего духовного настроения. В первые годы царствования влияние ее еще было заметно, а теперь, кажется, оно вовсе не существует. Но я никогда не забуду всех ее суждений, например, при чтении мною записки Карамзина о старой и новой России и др., а также сочинений Гоголя и проч. Имей эта женщина талант, ум и волю Екатерины, она бы так же имела влияние на среду, ее окружающую, и умела бы устранить те нелепые страхи отвращения ко всему национальному, от которых мы теперь бедствуем.

10-го декабря. В прошедший понедельник было первое заседание Общего собрания Государственного совета по делу о воинской повинности. По-видимому, государь знает, что реформа эта возбудила разные мнения и опасения, и потому приказал великому князю не торопиться проведением ее через Общее

собрание и не стеснять подробное обсуждение. Вследствие сего великий князь при открытии заседания приглашал всех высказывать свое мнение — как об общих основаниях проекта, так и о подробностях. Министр народного просвещения разослал за несколько дней особую записку всем членам Совета, в которой он сильно критикует проект в том виде, в каком он вышел из Соединенного присутствия, и доказывает необходимость сделать только один разряд льгот для жеребьевых, для одних грамотных, без всяких особых льгот для высшего образования, а для вольноопределяющихся допускает опыты только для первых двух разрядов. Военный министр, в свою очередь, накануне заседания разослал свою записку в опровержение мнения министра народного просвещения. По поводу этого разногласия происходили оживленные споры, в которых я принимал участие, доказывая, что, по моему мнению, институт вольноопределяющихся представляется лишним, ежели жеребьевым трех разрядов будут предоставлены льготы. Одно из двух — или дать льготы трем разрядам жеребьевых, или вольноопределяющимся, ибо в двух местах льготы не могут распределены быть так, чтобы они друг другу не мешали. Главная приманка жеребьевым будет всегда та, что с лишком 75 % шанса совершенно быть освобожденным и от действительной службы, и от запаса, и ежели к этому прибавить еще сокращение срока действительной службы до 9-ти месяцев для первого разряда, до 18-ти месяцев для второго, до 3-х лет для 3-го, то приманка для вольноопределяющихся будет столь незначительна, что никто не пойдет в вольноопределяющиеся. Все почти первое заседание прошло в спорах о различных формах этого вопроса, и, в сущности, ничего еще не решено. Завтра будет второе заседание, которое обещает быть еще оживленнее, потому что на предварительном заседании у графа Шувалова, куда и я был приглашен, в присутствии редактора «Московских ведомостей», возникли новые вопросы о социальном значении реформы, о легкости получения официального звания разночинцами и проч. ... Все эти вопросы, вероятно в разных видах, заявлены будут завтра и еще более запутают и усложнят дело. По-видимому, только теперь главные влиятельные лица раскусили все важное социальное значение реформы, но ничего не могут придумать, чтобы остановить ее. Вероятно, и завтра не кончится спор по главным вопросам, а там пойдет рассмотрение проекта по параграфам, что займет еще несколько заседаний, так что к Новому году ни в каком случае дело не будет окончено.

11-го декабря. В сегодняшнем заседании, несмотря на продолжительные прения, окончили рассмотрение всех статей проекта; остались еще не рассмотренными приложения, так что в будущем заседании, вероятно, все будет кончено. Вследствие моего предложения для вольноопределяющихся уменьшен срок состояния в запасе на 9 лет, я предлагал 7 лет, но должен был уступить.

18-го декабря. Вчера окончено в Общем собрании рассмотрение проекта об общеобязательной воинской повинности. Прения касались вопросов второстепенных, но, по сильному настоянию великого князя, все пришли к соглашению, и государю был представлен журнал без всяких разногласий. Этим, по-видимому, очень доволен великий князь, хотя, без сомнения, потомству пока-

жется странным, как вопрос подобной важности мог встретить такое единомыслие. Но прения в Государственном совете теперь так обставлены — вследствие желания государя, чтобы приходили к соглашению, — что решительно нет места даже для желающих отличиться гражданским мужеством, они представились бы глупым донкихотством. В заключение прений великий князь сказал несколько слов, выразив надежду, что эта реформа будет новым полезным событием, ознаменовавшим настоящее царствование, и что все члены Государственного совета могут со спокойной совестью сказать себе, что исполнили долг свой, ибо подробно и всесторонне рассматривали проект.

По поводу этих слов я, воротясь домой, написал великому князю письмо, которое и послал сегодня:

«С.-Петербург, 18-го декабря, 1873-го года.

Ваше Императорское Высочество.

Заключая сегодня прения по вопросу об общеобязательной воинской повинности, Ваше Императорское Высочество изволили выразить надежду, что все члены Государственного совета могут со спокойной совестью ожидать последствий этой реформы, потому что она подверглась в Совете всестороннему рассмотрению, причем дана была возможность всем мнениям и сомнениям высказаться с полной откровенностью. Действительно, Ваше Императорское Высочество вправе были выразить эту надежду, ибо благосклонное и терпеливое внимание Ваше ко всем мнениям было столь же изумительно, как и достойно нашей благодарности.

Но само разнообразие возбужденных при обсуждении этой реформы вопросов, живость и некоторая странность споров, возникших в Совете, указывают уже отчасти на те трудности, с которыми предстоит бороться при введении в исполнение меры, непосредственно касающейся до жизненных интересов общества. Сознание этого невольно нарушает то спокойствие совести, с которой могли бы ожидать последствий реформы лица, принимавшие в ней более или менее непосредственное участие. Поэтому я приемлю смелость представить ныне на благоусмотрение Вашего Императорского Высочества те мысли, которые не могли быть мною заявлены в заседаниях Государственного совета — отчасти потому, что они не входят в круг вопросов, предстоящих разрешению, а главное, потому, что гласное возбуждение их сопряжено было со значительными неудобствами.

Приведение в исполнение реформы общеобязательной воинской повинности ляжет на обязанность почти всех министров и ведомств империи. Поэтому необходимо прежде всего, чтобы все министерства и ведомства не только в букве, но и в духе были совершенно согласны относительно всех подробностей реформы. Можно ли этого ожидать?

Ежели припомнить, сколько нужно было Вашему Императорскому Высочеству употребить времени, усилий, твердости и такта, чтобы достигнуть соглашения по вопросам даже второстепенным, то невольно рождается сомнение в продолжительности однообразного понимания разными ведомствами предстоящей им задачи. Правда, соглашение последовало по всем вопросам, но не нужно от себя скрывать, что соглашение это последовало больше в букве правил, чем в духе их. Природе человеческой свойственно, не нарушая прямо истины, хранить в задней мысли важность приходиться к соглашению. Нередко даже без воли человека, со временем, эта задняя мысль выступает при благоприятных обстоятельствах, и дело изменяется в существе.

1873 год

Вашему Императорскому Высочеству лучше меня известно, сколько новых вопросов будет поднято новой реформой, о которой еще не было, конечно, места судить. Справедливо замечено было г. военным министром, что много есть таких вопросов, которые, касаясь даже непосредственно военной реформы, не могут и не должны быть предметом закона. Такие вопросы возникнут непременно во всех ведомствах.

На чьей исключительной обязанности лежать будет общее охранение одного общего направления?

Я не осмеливаюсь и не решаюсь предполагать, чтобы гг. министры могли, собственной властью или с высочайшего утверждения, издавать какие-либо противоречивые друг другу постановления.

За этим во всяком случае надзор возможен, но масса частных случаев применения неясного или непонятого закона ускользает неминуемо от всякого контроля, ежели контроль этот не сосредоточен в каком-либо постоянном учреждении, централизующем дела, пока практика, опыт и закон не утвердятся окончательно в общем и однообразном понимании.

Главный комитет по крестьянским делам бесспорно доказал эту истину. Чтобы опровергнуть всякое сомнение в пользу этого учреждения, достаточно только вообразить себе, что бы такое было с крестьянской реформой, ежели бы все дела, бывшие в его рассмотрении, на первое время реформы подлежали бы обыкновенному течению? Для лиц беспристрастных и сколь-нибудь знакомых с ходом дел в наших управлениях не может быть ни малейшего сомнения в том, что Главный комитет служит в крестьянском деле тем камертоном, под лад которого были настроены все инструменты при исполнении этой великой симфонии.

Но, скажут, военная реформа далеко не имеет того значения, какое имела реформа крестьянская. На это осмеливаюсь возразить, что в крестьянской реформе правительство имело за собой массу народа, общественное мнение, восторженное настроение деятелей и исполнителей. В военной реформе, напротив того, все будет наоборот.

Великодушное самоотвержение всех сословий, выразившееся во всеподданнейших адресах, должно скорее усиливать, чем ослаблять заботливость правительства при введении тяжелой натуральной повинности. В крестьянской реформе правительство являлось сдерживающим элементом, оно должно было, в большей части случаев, удерживать исполнителей и оберегать частные интересы. В военной реформе, напротив, строгий надзор за точным исполнением обязанностей всех органов власти и охранение правительственного интереса составит существенную задачу правительства.

При таких условиях всякое колебание или шаткость мероприятия губительно отзовется на деле и может сильно повредить достоинству правительства.

Не стану утруждать внимание Вашего Императорского Высочества подробным развитием моей мысли и указанием на те дела и вопросы, которые с первого же дня издания Манифеста должны были бы подлежать рассмотрению Главного комитета по воинской повинности. Цель настоящего моего представления заключается только в том, чтобы указать на мысль, подвергнув ее на благоусмотрение Вашего Императорского Высочества.

24-го декабря. Вчера великий князь сказал мне, что получил, очень сочувствует, но положительно отказывается от председательства в этом Главном комитете, хотя чувствует, что, кроме него, никто не может председательствовать.

Но я сегодня узнал через Сольского (госуд<арственный> секретарь), которому великий князь передал мое письмо, что мысль моя занимает великого князя и что он поручил Сольскому переговорить о ней с военным министром.

27-го декабря. Сегодня было экстренное заседание Государственного совета для утверждения сметы на 1874 год и для подписания журнала о воинской повинности. Тут я узнал, что мысль моя об учреждении постоянного присутствия для сосредоточения всех дел по воинской повинности, по всей вероятности, осуществится: военный министр с радостью на нее соглашается и, вероятно, будет представлена государю о сохранении *en permanence** Особого присутствия по воинской повинности в сокращенном виде.

На сих днях был у государя Совет министров, на котором, неизвестно по какому поводу и по какой причине, возбужден был вопрос о ближайшем надзоре за народными школами. Результатом этого заседания Совета министров вышел сегодня следующий неясный, бестолковый и безграмотный рескрипт.

**Высочайший рескрипт.
На имя министра народного просвещения,
графа Д. А. Толстого**

Граф Дмитрий Андреевич.

В постоянных заботах о благе Моего народа, Я обращаю особое внимание на дело народного просвещения, видя в нем движущую силу всякого успеха и утверждение тех нравственных основ, на которых зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитию народного образования в России, Я утвердил в 1871 и 1872-х годах, согласно с такими моими видами, уставы средних учебных заведений вверенного Вам ведомства, долженствующих дать вполне основательное общее образование юношеству, готовящемуся к занятиям высшими науками, а не предназначенных себя к оным приспособлять к полезной практической деятельности. Заботясь равно о том, чтобы свет благого просвещения распространялся во всех слоях населения, Я повелел учредить учительские институты и семинарии для приготовления наставников народных училищ, городских и сельских. Сами училища эти должны получить указанное им правильное устройство и развитие, сообразно с потребностями времени и замечаемым в настоящую пору повсеместно в империи стремлением к образованию. Я надеюсь, что ожидаемое вследствие сего размножение народных училищ распространит в населениях, вместе с грамотностью, ясное разумение божественных истин учения Христова с живым и деятельным чувством гражданского долга.

Но достижение цели, для блага народного столь важной, подлежит предусмотрительно обеспечить. То, что в предначертаниях моих должно служить к истинному просвещению молодых поколений, могло бы, при недостатке попечительного наблюдения, быть обращено в оружие нравственного растления народа, к чему уже обнаружены некоторые попытки, и отклонить его от тех верований, под сенью которых в течение веков собиралась, крепла и возвеличивалась Россия.

Как лицо, призванное Моим доверием к осуществлению Моих предначертаний по части народного просвещения, Вы усугубите всегда отличавшее Вас рве-

* постоянно

ние к тому, чтобы положенные в основу воспитания начала веры, нравственности, гражданского долга и основательности учения были ограждены и обеспечены от всякого колебания. Согласно с сим, Я вменяю в полную обязанность непременно оказывать в сем деле Вам полное содействие.

Дело народного образования — в духе религии и нравственности — есть дело столь великое и священное, что поддержанию и упрочению его в сем истинно благом направлении должно служить не одно только духовенство, но и все просвещеннейшие люди страны. Российскому дворянству, всегда служившему живым примером доблести и преданности долгу гражданина, по преимуществу предлежит в сем попечение. Я призываю верное мое дворянство стать на страже народной школы. Да поможет оно правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний. Возлагая на него и в сем деле мое доверие, Я повелеваю Вам, по соглашению с министром внутренних дел, обратиться к местным предводителям дворянства, дабы они, в звании попечителей начальных училищ в их губерниях и уездах и на основании прав, которые им будут предоставлены особыми о том постановлениями, способствовали ближайшим своим участием к обеспечению нравственного направления этих школ, а также их благоустройству и размножению.

Александр.

По прочтении этой ерунды всякий спросит: «Что сей сон означает?». Действительно, трудно понять, что хотят сказать этим рескриптом. Из подробных расспросов нескольких лиц, бывших в Совете, оказывается следующее: Толстой, Шувалов, Тимашев с содействием Валуева приготовили рескрипт, который был прочтен в Совете у государя. Никто из присутствующих, кроме упомянутых лиц, не был предупрежден об этом. Все были в недоумении и не могли объяснить себе ни цели, ни повода рескрипта, тем более что в настоящее время находится на рассмотрении в Государственном совете целый проект об устройстве инспекций за народными школами, и в том проекте ничего не говорится о дворянстве. Говорят, князь Горчаков сильно возражал против издания акта, который, не имея никакого практического применения, произведет недоумение. Он умолял государя отказаться от этой мысли, доказывая, что за границей невольно подумают, что наши народные школы находятся в каком-то буйном настроении, когда понадобилось сделать воззвание к целому сословию дворянства и призвать его на помощь правительству. В смысле непрактичности этой меры говорили Урусов, Строганов и великий князь Константин Николаевич, сей последний, говорят, с большим жаром и толком. Государь настаивал на необходимости, между прочим, показать дворянству какой-либо знак доверия в ту минуту, когда при общеобязательной воинской повинности у него отнимается последняя привилегия. Кроме того, он указал на необходимость принять самые решительные меры против революционной пропаганды, будто бы сильно распространяющейся в России через народные школы. В заключение государь обратился к наследнику и спросил его мнение. Говорят, до сих пор не было примера, чтобы государь в присутствии других вызывал наследника на ответ. Он сконфузился, но, не менее того, ясно и положительно ответил, что не ожидает от этой меры никакой пользы, а полагает, что она, напротив, произведет замешательство. На это государь с видимым неудовольствием сказал, что он другого

мнения, и, обращаясь к наследнику, сказал: «Я делаю это для тебя и для твоего сына более, чем для себя», и затем объявил, что, несмотря на мнение сына и брата, он остается в убеждении, что рескрипт будет полезен, но что редакцию этого рескрипта можно будет смягчить, по соглашению с князем Горчаковым. Из этого соглашения и вышла та редакция, которая обнародована, из которой ясно только то, что писавшие ее — плохие редакторы. Не подлежит сомнению только одно, что в умах Шувалова и К^о что-то бродит, что они, видимо, около чего-то вертятся, но не умеют даже приняться за осуществление какой-либо мысли. В основании же всего лежит какой-то страх каких-то несуществующих опасностей, на котором плетут постоянно всякую канитель. Из газет одни только, вероятно, «Московские ведомости» решатся сказать что-нибудь об этом рескрипте, а так как Катков, положительно, уже решительно предался Шувалову, то, вероятно, и сам рескрипт вышел с его ведома, а потому он и даст ему какое-нибудь объяснение. Посмотрим...

30-го декабря. В Новый год объявлены будут назначения: Абазу — на место Чевкина председателем Департамента экономии; Грейга — на место Абазы государственным контролером и Шамшина — на место Грейга товарищем министра финансов. Это последнее назначение очень всех удивляет. Шамшин ни по способностям своим, ни по положению, занимаемому им в Министерстве финансов, где он уже несколько лет директор Кредитной канцелярии, не заслуживает такого повышения. Но что же делать — с каждым годом поневоле общий уровень людей, выступающих вперед, должен, по необходимости, падать, ибо из людей не заподозренных т. е. не участвовавших в прежних реформах, нет никого, чем-либо заслуживающего повышения, и клика, ныне господствующая, не допустит в дело никого мало-мальски способного и с характером.

Грейг принял место государственного контролера с неудовольствием, считая его ниже своего достоинства. Он мечтал быть или министром финансов, или министром государственных имуществ. Честолюбие и крайняя самоуверенность Грейга заставляла его желать получить портфель финансов, но теперь он видит, что Абаза имеет больше шансов получить это министерство, ежели оно будет вакантным, а к Министерству государственных имуществ его влечет желание комфорта и приятной, нетрудной обязанности. Вероятно, он получит это министерство, когда по каким-либо причинам его оставит Валуев. Никакого прока я от Грейга не ожидаю. Ежели бы он был не столь самоуверен, невежествен и, в особенности, не относился бы с таким презрением к изучению России, то из него мог бы выйти полезный человек, потому что он не лишен способностей. Он начал свою службу на гражданском поприще, под моим начальством, в Комиссариатском департаменте Морского министерства. Великий князь, уезжая, кажется, в 1855-м или 1856-м году за границу, просил меня взять Грейга, бывшего при нем адъютантом, для ознакомления с делами. По возвращении великого князя я аттестовал Грейга как способного молодого человека. Делу я его, разумеется, в короткое время научить не мог, но он без моего содействия был тверд в другой науке, в которой я был совершенный невежда, а именно он оказался великим мастером прокладывать себе дорогу не работой, а ловко-

1874 год

стью, так что скоро сделался директором Канцелярии Морского министерства, сломал шею Милютину, управляющему Морским министерством, и посадил на его место Краббе, также ловкого господина, и, не будучи никогда моряком, получил чин и мундир. Потом, не участвуя ни в какой работе, ни по какой реформе, держал себя в стороне, сделался другом великого князя и притом сохранил дружеские отношения с Шуваловым. Его сильной поддержкой пользуется и теперь, умеет вовремя представляться благонамеренным, вовремя либеральничать и с необыкновенным мастерством лавирует теперь между партией великого князя и Шувалова, так что тот и другой считают его своим человеком. Повторяю, ничего путного из этого не выйдет.

Абаза будет вполне на своем месте. Этот человек оказался даже более годным, чем я ожидал. Он отлично себя поставил и будет очень полезен и в настоящем, и в будущем.

Сегодня был у государя Совет министров, в котором окончательно решено составить общее присутствие Государственного совета для рассмотрения всех законодательных мер по исполнению воинской реформы и по надзору за исполнением. Великий князь назначается председателем этого присутствия... Таким образом, заявленная мною мысль осуществилась. Я рад этому, ибо уверен, что она полезна. Манифест об общеобязательной повинности завтра еще не выйдет, ибо государь еще не подписал его, но, вероятно, на днях будет обнародован. Замечательно, что государь, даже на словах, не выразил Милютину — военному министру — благодарности за его работу...

1874 год

2-го января. Сегодня вышел прилагаемый при сем Манифест. Он очень хорош. Его писал Сольский. Вчера выхода не было, потому что на днях приехал жених — принц Альфред⁹¹ — и хотят отдохнуть перед праздниками и разными встречами иностранных гостей.

Манифест

Божиею милостью
Мы, Александр Второй,
император и самодержец всероссийский,
царь польский, великий князь финляндский
и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всем верным нашим верноподданым.

В постоянной заботливости о благе нашей империи и даровании ей лучших учреждений Мы не могли не обратить внимание на существовавший до сего времени порядок отправления воинской повинности. По действовавшим доньше узаконениям, повинность эта возлагалась лишь на сословие мещан и крестьян, и значительная часть русских подданных изъята была от обязанности, которая должна быть для всех одинаково священна. Такой порядок, сложившийся при иных